

АЛХИМИЧЕСКИЙ МИР ЕВГЕНИЯ ГОЛОВИНА

П. Г. Носачев

В докладе проводится реконструкция представлений об алхимии Евгения Головина, известного деятеля советского эзотерического подполья. Автор предполагает, несмотря на то, что последователи и соратники Головина постоянно именуют его «алхимиком» и прочат чуть ли не в основатели «русской алхимической школы», для самого Головина тема алхимии не являлась самоцелью, а скорее средством эстетического самовыражения.

The alchemical world of Evgeny Golovin

P. G. Nosachev

In the paper an attempt to reconstruct the alchemical world of a well-known Russian esotericist and one of the leaders of Soviet underground Evgeny Golovin is made. During this reconstruction it has been shown that Golovin at the same time saw Alchemy as laboratory work and spiritual practice, believing that only the latter may exist in the modern world. This last kind of alchemy is the practice that must save people from the power of the modern world of Aphrodite Pandemos (in terms of alchemy this stage is called Nigredo) and lead them to the world of Aphrodite Anadiomene (albedo stage), which should reveal the alchemist's inner feminine essence, his inner Diana. It is interesting that the third stage (rubedo) is not reflected in the texts of Golovin.

Наша статья носит название «Алхимический мир Евгения Головина», и оно не случайно. Евгений Головин был многогранной личностью, и в его творчестве органично переплелось много различных тем. Если всю его систему мысли обозначить как вселенную, то тема алхимии в этой вселенной формирует собой лишь один локальный мир. На наш взгляд таких миров можно выделить

несколько, причем все они пронизаны сквозными темами, присутствующими в каждом. Перечислим эти миры и связывающие их темы.

Общие темы:

Оппозиция мужского и женского. В той или иной степени эту тему можно найти и в головинских описаниях античности и в текстах, связанных с алхимией, и в описаниях современного мира;

Критика современного мира. Еще одна константа творчества. Современный мир во всех его проявлениях был абсолютно чужд Головину, он не принимал и ненавидел его.

«Миры»:

Ослепительный мрак язычества. Головина считали последним язычником, чуть ли не Дионисом воплоти. Мир античности для него был очень близким и дорогим, его исследованию он посвятил немало времени;

Мир языка и символов. Поэзия и проблема языка играли важнейшую роль в мироощущении Головина и в выражении всех его идей. Нельзя забывать, что по образованию он был филологом, а по личному роду занятий поэтом. Его близкие друзья (Юрий Мамлеев и Гейдар Джемаль¹) считают, что именно в поэтическом мировидении кроется ключ к пониманию всего творчества Головина;

Алхимия. Головин много говорил и писал об алхимии. Некоторые последователи считают его алхимиком и даже, отталкиваясь от его идей, основали так называемую «русскую алхимическую школу»². Вот как характеризует алхимическое творчество Евгения Всеволодовича Глеб Бутузов: «В отношении Евгения Головина, думаю, комментарии излишни – это состоявшийся герметический автор, вероятно, единственный в поле русского

¹ См. воспоминания Гейдара Джемалья о Евгении Головине на Evrazia.tv <http://www.evrazia.tv/content/geydar-dzhemal-evgeniy-golovin>

² См. интервью с Олегом Фоминым в книге Нилогова [Нилогов 2007, С. 340-345], книгу Фомина «Сакральная триада» [Фомин 2005] и его работу в качестве редактора серии «Алый лев» для издательства Энигма

языка.... Евгений Всеволодович пишет интереснейшие книги на своём собственном герметическом наречии, и его отличие от диалекта других (в том числе «традиционных») авторов как раз свидетельствует если не о достижениях в области практической алхимии, то, как минимум, о глубоком понимании её целей и методов, и как бы ни сложилась дальше судьба русской школы, его тексты останутся в её фундаменте навсегда» [Бутузов 2008]. Описанию этого «герметического наречия» Головина и посвящен наш текст.

Прежде чем перейти непосредственно к сути вопроса, нужно сначала очертить тот фон, на котором разворачивается алхимический мир Евгения Головина. Фон этот складывается из восприятия им современности. Ведь Головин жил не в Средние века и не в эпоху Возрождения, когда алхимическая работа считалась нормальным времяпрепровождением ученых мужей. Как уже было отмечено выше, Головин ненавидел современный ему окружающий мир, содержательно можно обозначить два главных аспекта, вызывавшие столь резкую оценку: матриархальная культура и плененность смертью. Кратко остановимся на них.

Современный мир пленен темой смерти, тлена и разрушения, но так было не всегда. Согласно Головину светлый мир язычества не знал смерти, а, следовательно, не знал и жизни как нескончаемой гонки к неминуемому финишу. Мир язычества был миром бесконечной метаморфозы, где все части плавно превращались одна в другую, где боги постоянно меняли имена и функции, при этом не переставая быть богами, где между жизнью и смертью не было разницы, ибо смерть была лишь очередной метаморфозой. Над людьми, живущими в таком мире, не висел дамоклов меч неизбежного конца, и время в нем было равно вечности. Но с приходом иудео-христианства все изменилось, и мир язычества был разрушен, появляется линейное время, смерть начинает восприниматься как финальный предел и полностью детерминирует собой жизнь. Кстати, это накладывает и неизгладимый отпечаток на алхимическое делание, совершаемое в таком мире. Вот как Головин поясняет эту идею:

«Существует алхимия языческая и алхимия, которую можно условно назвать “иудео-христианской”. Среди всех известных нам религий и мифологий иудейская стоит особняком. И очень большим особняком. Потому что иудейская религия — это первая религия, в которой смерть представлена как полное ничто, полное небытие. Поэтому акцент нигредо, акцент опуса в черном очень силен именно в иудео-христианской алхимии» [Головин 2003, 35].

Вторая проблема современности – матриархат. Эту тему нельзя понимать вульгарно, то есть в плане распространения эмансипации и феминизма в последние два века. По Головину ситуация гораздо сложнее. Матриархат проявляется в полной подчиненности мужского начала женскому, и история эта началась не сегодня, а еще задолго до Рождества Христова. Головин выделяет несколько этапов в развитии матриархата: 1) матриархальное государство Карфаген было побеждено греками, но после ослабления греческой культуры тенденции матриархата стали подчинять себе Запад; 2) Средние века были эпохой, в которой все еще доминировало мужское начало, но криптоматриархат проявлял себя в рыцарском культе прекрасной дамы, дама здесь была идеальным образом, но уже внеположным мужчине идеалом женщины и женственности; 3) реванш матриархата начинается в эпоху Нового времени, когда джентльмены устремляют свои чувства, желания и поступки на вполне конкретную женщину; галантность, воспевание женского тела в поэзии, скульптуре и живописи были формами выражения побеждающего матриархата; 4) полным триумфом матриархата стала новейшая история XIX и XX веков, когда рыцаря и джентльмена полностью вытеснил делец-бизнесмен, жалкое существо, тратящее всю свою жизнь на зарабатывание материальных благ, которые, с одной стороны, являются прямым выражением женского хтонического начала, а с другой, служат формой угождения реальным женщинам, отсюда ориентированная на сексуальность культура, отсюда и все «прелести» цивилизации потребления.

Как же в условиях такого мира возможна алхимия? Можно несколько переформулировать вопрос: какая алхимия возможна в условиях такого мира? Головин, следуя определенным традициям³, выделяет два типа алхимии: материальную и мистическую. Материальная, очевидно, предполагает под собой лабораторную работу и нуждается в серьезной оперативной базе, состоящей из определенных подходящих субстанций. Мистическая предполагает, что алхимические процессы должны, прежде всего, совершаться внутри алхимика и являются системой его личной трансмутации. В отличие от Элиаде и Юнга Головин не склонен приписывать алхимии только мистический характер, ведь «если мы будем расценивать алхимию как теоретико-мистическую дисциплину, в мозгу все равно останется какая-то заноза, т.к. большинство алхимических книг толкуют о конкретных химических субстанциях и о работе с ними» [Головин 2003, 34]. Следовательно, в древности алхимия все же воспринималась как серьезная лабораторная работа, но в современности она уже не может быть таковой. Главной проблемой здесь является полная непригодность материального мира для настоящей алхимии. Вот как поясняет эту идею Головин: «Многие из вас носят кольца или серьги из желтого металла, который продается в магазинах под названием “золото”. Понятно, что никаким пробам ни ваши кольца, ни серьги не соответствуют. ...Какими свойствами оно (магическое, настоящее золото – *П. Н.*) обладает? Поистине волшебными. Например, если мы чувствуем голод, достаточно поднести кольцо из чистого золота к животу, и голод утихает. Если болит голова, достаточно поднести его к затылочной кости – и все проходит» [Головин 2003, 62].

Значит, в мире сейчас нет ничего, что отвечало бы условиям для лабораторной алхимической работы, а, следовательно, нашим современникам остается лишь мистическая алхимия. Отметим, что Головин не склонен, как это

³ Здесь очевидно влияние «Азиатской алхимии» Элиаде [Элиаде 1998], на которого Головин часто ссылается в своих текстах.

делает Элиаде, проецировать восточные системы медитативных йогических практик на систему мистической алхимии. Согласно его идеи, алхимия вполне самостоятельное западное явление, которое может быть описано без помощи аналогий с восточными учениями. Мистическая алхимия для Головина это система внутренней работы, имеющая несколько принципиально важных стадий. Всем известны три этапа великого магистерия: нигредо, альбеда и рубедо. В мире Головина эти миры имеют связь с тремя Афродитами орфической теогонии: Пандемос, Анадиомедой и Уранией. В современном мире человек окружен стихией земли, полностью привязан к матриархальному началу, а значит, пребывает в абсолютной власти Афродиты Пандемос (в языке Евгения Всеволодовича она же Деметра, Лилит, Цирцея, Нана и т.п.). Ее мир – заколдованный остров Цирцеи, на котором Улисс пойман со своими спутниками, этот мир одновременно пленяет и пугает. Головин иллюстрирует его переводом Севастьяна-Шарля Леконта, выполненным Блоком:

*Год миновал. Мы пьем среди твоих владений,
Цирцея! - долгий плен.
Мы слушаем полет размерных повторений,
Не зная перемен.
Под формой странною скрывая образ пленный,
От чар, как мы, вкусив,
Меж нами кружатся, глядят на нас смиренно
Стада косматых див.
Здесь львы укрощены -- над ними благовонный
Волос простерся шелк.
И тигр у ног твоих -- послушный и влюбленный,
И леопард, и волк...*

Это исходная ситуация плененного в материю человека. Отсюда начинается работа в черном. «Этот опус суть сепарация, отделение от внешнего мира. Операция очень жестокая, грозящая многими опасностями, потому и

называется “нигрето” или “опус в черном”. Что это означает? Это означает, что надо освободить сознание от коллективизма и попытаться думать самостоятельно» [Головин 2003, 39]. Сепарация – процесс отделения человека от мира, заключается в полном наплевательстве на правила этого мира, его систему, на все, что этот мир человеку поставляет. Причем процесс сепарации возможен не только в алхимии, «для того, чтобы попасть в условия несколько другой манифестации, мы должны изучать магические и мистические дисциплины (не обязательно алхимию), Дзен или Дао, или какие-то удивительные центрально-американские культы, связанные с наркотиками или еще что-нибудь в таком роде» [Головин 2003, 40]. Фактически человеку доступны три уровня манифестации: реальность, сон и мечты. В процессе сепарации необходимо погрузиться на уровень мечтаний, чтобы чрез него полностью разорвать все связи с миром Пандемос и начать вторую стадию магии. Дело в том, что базовым условием здесь является осознание человеком реальности *только* своего внутреннего мира. По сути, для Головина по-настоящему мир таков, каким человек, прошедший сепарацию, его воспринимает. Отсюда и так любимые им цитаты из Блейка⁴ и Парацельса⁵, которые он постоянно повторял в своих статьях и лекциях. Мироззрение алхимика основывается лишь на его желании, на его внутреннем восприятии, которые, по идее, дают истинную картину. Таким образом, человек находит в себе внутренний центр.

Что должен делать человек, успешно осуществивший сепарацию? Напомним, что вторая стадия альбедо связана с Афродитой Анадиомедой или

⁴ «И когда человек переселяется, его небо переселяется вместе с ним...» [Головин 2003, 136] Перевод Головина из поэмы Блейка «Мильтон» в оригинале звучит следующим образом: «And if he move his dwelling-place, his Heavens also move» [Blake W. 1907, P. 29]

⁵ «не человек видит благодаря глазу, а глаз видит благодаря человеку» [Головин 2007, 261]. Здесь у Головина не прямой перевод, а пересказ идеи Парацельса из трактата «De viribus membrorum spiritualium». В тексте Парацельс говорит о том, что видение, слышание и мышление не есть функции тела или мозга, они принадлежат невидимому духу, который чувствует через сердце и мыслит посредством мозга.

Дианой. На этом этапе алхимик должен приложить все усилия, чтобы внутри себя найти, пробудить свою собственную Диану.

В нервах в планетах в природе

Бьется черный экстаз

В озаренном водороде

Поэты ищите Ортанз [Головин 2013, 59]

Писал Евгений Всеволодович в своем стихотворении «Ортанз». Поэт, денди – все это синонимы оператора-алхимика, который призван осуществить вторую стадию; Ортанз – Гортензия – Диана – игра слов, найденная Головиным у французских символистов. На первой стадии нигредо сепарация должна была привести к восходу внутренней луны, то есть активации воображения и мира снов, которые стали центром всего сущего для алхимика. Поиск Дианы связан с актуализацией внутреннего солнца человеческого микрокосма, с запуском в работу правого сердца и философским инцестом. Дело в том, что внутри человека (мужчины или женщины), по Головину, существует его духовный двойник противоположного пола, который и является сестрой и одновременно Дианой, соединение с которой и завершает вторую стадию магистерия. Согласно Головину есть два пути этого внутреннего брака: сухой (короткий) и влажный (длинный). Сухой путь связан с северным полюсом, ибо север символ мужского начала, этот путь чрезвычайно сложен, но дает быстрый и не столь болезненный эффект. Влажный путь связан с южным полюсом, со стихией женского. Вот что о нем пишет сам Головин: «Ни к чему, кроме абсолютного отчаяния и белого снега, человек, идущий по “влажному” пути, не приходит. Но здесь есть один любопытный момент. Вспомним фразу Парацельса о "философском инцесте". Это погружение в центр абсолютной смерти, который является, в сущности, центром матери-природы. И мы должны принять на веру, что дальше в точке абсолютной смерти начинается жизнь, и она тоже белого

цвета. В алхимии это называется “переход от Матери-земли к Даме-натуре”» [Головин 2003, 68-69].

«Путешествие Артура Гордона Пима» Эдгара По, по Головину, идеальная иллюстрация влажного пути. А что же дальше, что обретает человек, прошедший второй уровень магистерия? По идее он должен взойти в мир Афродиты Урании, но Головин в своих текстах и лекциях не говорит о цели алхимического пути. Он очень много на разный манер обсуждает нигредо и альбедо, но рубедо остается фигурой умолчания. Во многом алхимический мир Головина можно обрисовать, если вспомнить конец единственного романа По: «Тьма сгустилась настолько, что мы различаем друг друга только благодаря отражаемому водой свечению белой пелены, вздымающейся перед нами. Оттуда несутся огромные мертвенно-белые птицы и с неизбежным, как рок, криком "текели-ли!" исчезают вдаль. Услышав их, Ну-Ну шевельнулся на дне лодки и испустил дух. Мы мчимся прямо в обволакивающую мир белизну, перед нами разверзается бездна, будто приглашая нас в свои объятия. И в этот момент нам преграждает путь подымающаяся из моря высокая, гораздо выше любого обитателя нашей планеты, человеческая фигура в саване». [По 2012, 592]. Все, кто читал книгу, помнят, что Артур Гордон Пим возвратился в свой город и зажил обычной жизнью, но что с ним произошло дальше? Кто была эта белая фигура? Зачем и куда летели птицы? Остается загадкой. Так и в алхимическом мире Головина конечная цель процедур погружена во мрак неизвестности.

Из проведенной нами краткой реконструкции следует, что Евгений Головин разработал свое оригинальное видение алхимии. Вернее так: Головин создал свою вселенную, богатый символический мир, который в равной степени был описуем языками язычества, символизма, алхимии и ни один из этих языков не был самодостаточным и первичным. Первичным было мировидение Головина, принимавшее различные формы в зависимости от контекста. Поэтому Головина нельзя назвать алхимиком или историком

алхимии, исторический материал и конкретные тексты находят у него вольную интерпретацию и сочетаются в причудливых комбинациях. Именно поэтому алхимия, натуральная магия, дзен-буддизм для него стоят на одном уровне.

В заключении отметим, что Евгений Головин оригинальный и крайне интересный мыслитель, его творчество нельзя описать кратко, и наш текст – эскиз лишь одного сюжета его вселенной. Но даже к этому сюжету нельзя подходить как к чему-то выражающему его мировоззрение. Головин был очень сложной личностью, постоянно прячущейся за различные маски, вводящие людей в заблуждение, обманывающий и издевающийся над своими читателями и слушателями. Чего только стоит такой пассаж в лекции «Опус в черном», где сперва он подробно описывает, как важно отделиться от мира, полностью актуализировать в себе свой внутренний мир, довериться внутреннему видению, которое и является истинной реальностью, и вдруг без перехода и без дальнейшего продолжения в текст входит следующий пассаж: «В любой области магии, даосизма или алхимии успешное прохождение первой степени ничего не гарантирует. Только внутренний голос может нам говорить, правильно это или нет. Как вы сами понимаете, этот внутренний голос может быть обманчив, потому что черт знает, кто может в нашей голове говорить этим голосом» [Головин 2003, 46].

Как после этого можно с полной серьезностью относиться ко всей описанной выше алхимической картине?

ЛИТЕРАТУРА

Blake 1907 — *Blake W. Milton*. London: A. H. Bullen, 1907.

Бутузов 2008 — Алхимия – XXI: Интервью с Глебом Александровичем Бутузовым // «Завтра», № 44 от 29 октября 2008 г.

Головин 2003 — *Головин Е.* Приближение к снежной королеве. М.: Арктогея-Центр, 2003.

Головин 2013 — *Головин Е.* Парагон. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Головин 2007 — Безумие и его бог / Сост. Е. Головин. М.: Энеагон-пресс, 2007.

Нилогов 2007 — *Нилогов А.* Кто сегодня делает философию в России: Том 1. М.: Поколение, 2007.

По. 2012 — *По Э.* Золотой жук: Рассказы, повести, стихотворения. М.: Эксмо, 2012.

Фомин 2005 — *Фомин О.* Сакральная триада: Алхимия, мифология и конспирология. М.: Вече, 2005.

Элиаде 1998 — *Элиаде М.* Азиатская алхимия / пер. А. А. Старостиной. М.: Янус-К, 1998.